

МАРТИН ВАН КРЕВЕЛЬД

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ

Военная мысль (Социум)

Мартин ван Кревельд

Трансформация войны

«Интермедиатор»

1991

УДК 355.01
ББК 68

ван Кревельд М.

Трансформация войны / М. ван Кревельд — «Интермедиатор»,
1991 — (Военная мысль (Социум))

ISBN 978-5-91603-586-5

В книге предпринят пересмотр парадигмы военно-теоретической мысли, господствующей со времен Клаузевица. Мартин ван Кревельд предлагает новое видение войны как культурно обусловленного вида человеческой деятельности. Современная ситуация связана с фундаментальными сдвигами в социокультурных характеристиках вооруженных конфликтов. Этими изменениями в первую очередь объясняется неспособность традиционных армий вести успешную борьбу с иррегулярными формированиями в локальных конфликтах. Отсутствие адаптации к этим изменениям может дорого стоить современным государствам и угрожать им полной дезинтеграцией. Книга, вышедшая в 1991 году, оказала большое влияние на современную мировую военную мысль и до сих пор остается предметом активных дискуссий. Русское издание рассчитано на профессиональных военных, экспертов в области национальной безопасности, политиков, дипломатов и государственных деятелей, политологов и социологов, а также на всех интересующихся проблемами войны, мира, безопасности и международной политики.

УДК 355.01

ББК 68

ISBN 978-5-91603-586-5

© ван Кревельд М., 1991

© Интермедиагор, 1991

Содержание

Предисловие издателя	7
Предисловие к изданию 2005 года	9
Введение	12
Что, почему и как	12
Глава I	14
Военный баланс	14
Ядерная война	15
Война без применения ядерного оружия	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мартин ван Кревельд

Трансформация войны

Martin van CREVELD

THE TRANSFORMATION OF WAR

© Martin van Creveld, 1991

© АНО «ИРИСЭН», 2005

© ООО Издательство «Социум», перевод 2014

Предисловие издателя

В нашей стране на протяжении последних полутора десятилетий в центре общественного внимания постоянно находятся реформа вооруженных сил, судьбы оборонной промышленности в новых хозяйственных условиях и другие аналогичные темы. К сожалению, нередко дискуссии по ним оказываются в значительной степени контрпродуктивными. Реформа армии сводится либо к изменению принципа комплектования, либо к увеличению бюджетного финансирования. Обсуждение будущего оборонной промышленности зачастую ограничивается вопросами конверсии, экспорта и величины государственных расходов на оборону.

Однако не нужно быть великим стратегом, чтобы понимать, что на вопросы комплектования, вооружения, материально-технического снабжения, конверсии и т. д. невозможно дать разумных ответов, если прежде не прояснить для себя некоторые другие, более фундаментальные проблемы. Какого рода будут конфликты, в которых примут участие российские военнослужащие в последующие годы и десятилетия? Какие цели будут (или не будут) ставить перед собой участники этих войн? Каков будет набор средств, применяемых (или не применяемых) противоборствующими сторонами? Какие ограничения будут действовать в отношении организованного насилия? и многое, многое другое.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена исследованию именно этих предметов. Мы решили издать ее именно для того, чтобы активизировать общественную дискуссию в данной сфере.

Кроме того, нами двигал еще один мотив. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что идущие в международном профессиональном сообществе дискуссии о природе войн будущего находятся в силовом поле, создаваемом двумя концепциями, во многом полярно противоположными друг другу. Первая олицетворяется работами Элвина Тоффлера. С основной книгой, в которой изложена эта концепция, русскоязычный читатель уже имел возможность ознакомиться¹. Исходной точкой в ней является тезис о том, что война представляет собой в некотором смысле разновидность производственной деятельности и в своем развитии повторяет стадии, свойственные развитию экономики, причем в значительной степени под действием тех же самых факторов. В данной концепции акцент делается на развитии технологии и на изменениях в военном искусстве, вызванных этим развитием.

На противоположном полюсе находится концепция Мартина ван Кревельда, наиболее полным изложением которой является изданная в 1991 году книга «Трансформация войны». В соответствии с ней война рассматривается как культурно обусловленный вид человеческой деятельности, радикально отличный от производственной или экономической сферы. Будучи явлением культуры, война, в отличие от неорганизованного насилия, характеризуется определенными правилами (по крайней мере, в норме), ограничивающими применение силы. Современная ситуация, согласно этой концепции, связана с фундаментальными сдвигами в социокультурных особенностях вооруженных конфликтов.

Книга ван Кревельда, вышедшая в 1991 году, оказала большое влияние на современную мировую военную мысль и до сих пор остается предметом активных дискуссий. Издавая ее, мы тем самым стремимся заполнить своего рода пробел в военно-теоретической литературе на русском языке. Мы полагаем, что это поможет избавиться от некоторого «технократического» перекоса в дискуссиях о будущем военного дела в нашей стране и продемонстрирует богатые возможности более «гуманитарных» подходов.

Переходя к особенностям представляемого вашему вниманию издания, считаю необходимым сделать два замечания.

¹ Тоффлер Э., Тоффлер Х., *Война и антивойна*. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Первое замечание касается английских терминов *state* и *government*. Хотя принято переводить их соответственно как «государство» и «правительство», общеизвестно, что такой перевод не вполне отражает содержание этих понятий. Под «правительством» носители русского языка обычно понимают исполнительную ветвь власти, по крайней мере, если речь идет о государстве современного типа. В английских текстах термин *government* гораздо шире, и им обозначается аппарат власти и управления в целом, т. е. включая другие ветви; поэтому зачастую *government* следует переводить как «государство» (например, в таких словосочетаниях, как «*governmental regulation*» – «государственное регулирование» и т. д.), а также «власть, властный аппарат, правление» и т. п. Наоборот, английское *state* обозначает сущность, гораздо более абстрактную, чем та, что обозначается русским словом «государство».

Ситуация еще более усложнилась при переводе данной книги, т. к. автор использует слово *state* в гораздо более узком смысле, а именно для обозначения конкретной исторической разновидности политической организации общества, возникшей в Европе лишь в Новое время (само слово *state*, а также его французский эквивалент *état*, до XVI века означало либо «сословие», либо «состояние»). Государство-*state* представляет собой абстрактную корпорацию, обладающую юридическим лицом (отличным от личности правителя), которая включает в себя правителей и управляемых, но не совпадает с ними ни в совокупности, ни с каждым из них по отдельности.

В силу вышеуказанных причин и во избежание недоразумений на протяжении всего текста перевода русское слово «государство» означает только абстрактное государство-корпорацию Нового времени.

Другое замечание касается употребления слова «стратегия». С одной стороны, в традиционном понимании, принятом в военной литературе, стратегия, это – «искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели»². В этом смысле стратегия противопоставляется тактике и оперативному искусству.

С другой стороны, в последние десятилетия этот термин получил и иное значение. Под стратегией стали понимать общую «логику» конфликта между сознательными и целенаправленно действующими субъектами, а также возможный способ действия субъекта в таком конфликте³. Понимаемая таким образом стратегия присутствует не только в рамках стратегии в традиционном понимании, но и на уровне тактики и оперативного искусства.

Автор употребляет термин «стратегия» в обоих указанных смыслах в зависимости от контекста, что обязательно следует иметь в виду читателю данной работы.

В заключение позвольте мне выразить надежду, что книга окажется интересной и полезной не только профессиональным военным, дипломатам и экспертам в области национальной безопасности, но и широкому кругу политиков и государственных деятелей, политологов и социологов, а также всем, кто интересуется проблемами войны, мира, безопасности и международной политики.

*Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель редакционного совета проекта «Навигатор»
Декабрь 2005 г.*

² Свечин А.А., *Стратегия*, М.-СПб.: «Кучково поле», 2003, с.49.

³ Именно в этом смысле используют этот термин такие известные авторы, как Т. Шеллинг и Э. Лютвак, в работах, приведенных в библиографии в конце этой книги.

Предисловие к изданию 2005 года

В 1989–90 годах, когда была написана книга «Трансформация войны», Советский Союз еще оставался сверхдержавой. Продолжала бушевать холодная война, а гонка вооружений приняла беспрецедентный размах. От Арктики до северных берегов Адриатического моря, по обе стороны «железного занавеса», многотысячные войска, принадлежавшие самым могущественным вооруженным силам в истории человечества, находились в состоянии боевой готовности и внимательно наблюдали друг за другом. В нескольких тысячах миль, в Корее, сложилась такая же ситуация, которая временами казалась даже более угрожающей, поскольку пограничные инциденты вели к росту военной напряженности, а она, в свою очередь, становилась причиной очередных пограничных инцидентов. В Вашингтоне, Лондоне, Париже, Бонне, Москве, Пхеньяне, Сеуле и Тайбэе, не говоря уже о Пекине, политические деятели, стратеги и военачальники бессонными ночами задавались вопросом, как эти силы будут сражаться друг с другом, если до этого дойдет дело.

Сегодня, полтора десятилетия спустя, многое изменилось. Варшавского договора больше не существует. Ушли в прошлое холодная война и связанные с нею страхи. Как и ожидалось, быстрыми темпами произошло сокращение обычных вооруженных сил во всем мире. Так, силы США сократились на 35 процентов – с 2 118 000 до 1 366 000 человек. От армии бывшего СССР, насчитывавшей 4 000 000 человек, осталось 1 004 000 человек в российских вооруженных силах плюс кое-какие войска сомнительной боеспособности, которые могли бы быть развернуты некоторыми из государств-преемников – от Балтики до Средней Азии. Численность армии объединенной Германии составляет теперь меньше одной трети того, чем располагали вооруженные силы обоих немецких государств в 1989 году. Ситуация с французскими, британскими, итальянскими и испанскими силами ничем не лучше. Некоторые из «младших» членов НАТО, в первую очередь новые его члены из бывшего восточного блока, приближаются к тому состоянию, когда уже вряд ли смогут иметь собственные вооруженные силы. Правда, напряженность на Корейском полуострове и вокруг Тайваня сохраняется. Такая же ситуация наблюдается и в другой части мира – в отношениях между Индией и Пакистаном. Однако все эти государства либо уже имеют ядерное оружие, либо способны очень быстро его создать. Конечно, это оружие никогда не приводило к внезапной вспышке братской любви, тем не менее оно действительно помогало избегать полномасштабных войн между государствами. Как это ни парадоксально, самое мощное орудие ведения войны из когда-либо изобретенных в наибольшей степени способствовало предотвращению или, по крайней мере, ограничению военных конфликтов между его обладателями.

За прошедшее время в мире имело место несколько межгосударственных войн, в том числе действия США и их союзников против Ирака (в 1991 и 2003 годах) и Сербии (в 1999 году). Во всех трех случаях, но в последних двух в особенности, соотношение сил составляло сто, а возможно, и тысячу к одному. Во всех трех случаях результатом стало то, что регулярные вооруженные силы, противостоявшие США, либо были быстро разбиты, как это случилось в 1991 и в 2003 годах, либо даже не пытались оказывать сопротивление, как в 1999 году. Общим для всех трех кампаний было прежде всего то, что они проводились против стран, не обладавших ядерным оружием и средствами его доставки. Чтобы лучше осознать значение этого фактора, представим себе, что Слободан Милошевич или Саддам Хусейн обладали таким оружием, допустим, в количестве не больше двух, трех или четырех единиц. В этом случае (если исходить из подобного прецедента с Ким Чен Иром) войны, в результате которых оба они были свергнуты, почти наверняка не состоялись бы.

Таким образом, решающим фактором эволюции войны остается наличие ядерного оружия и средств его доставки. Более двадцати лет прошло с тех пор, как американский президент

Рональд Рейган в своей речи о «звездных войнах» обещал сделать это оружие «бессильным и устаревшим», потратив порядка ста миллиардов долларов на научно-исследовательские разработки, но сегодня американские вооруженные силы едва ли ближе к реализации данной цели, чем тогда. Только одна страна, Израиль, разработала, испытала и развернула противоракетную систему. Однако даже израильские силы обороны не могут гарантировать, что, если вспыхнет война и будет произведен пуск ракет с ядерными боеголовками, каждая из них будет сбита, и вообще, учитывая, что одна-единственная ракета способна стереть Тель-Авив с лица земли, подобные гарантии вряд ли могут вызывать доверие. Поэтому реальная ценность системы – фактически нулевая, и это подтверждается тем фактом, что до сих пор ни одна страна не закупила ничего подобного.

В то время как количество крупномасштабных межгосударственных войн с применением обычных вооружений сокращается, войны против негосударственных организаций или между ними получают все большее распространение. К числу разгоревшихся, но в большей или меньшей степени завершенных относятся войны в Алжире, Восточном Тиморе, Ливане, Мозамбике, Северной Ирландии, Руанде, Сомали, турецком Курдистане и бывшей Югославии. К числу тех, которые, по всей видимости, не поддаются контролю, относятся войны в Афганистане, Анголе, Чечне, Колумбии, Конго, Египте, Ираке, на оккупированных Израилем территориях, в Кашмире, Либерии, на Филиппинах, в Саудовской Аравии, Сьерра-Леоне, Западной Сахаре и Судане. Как и предсказывалось, насилие не ограничивается развивающимися странами, а распространяется и на развитые государства, включая Испанию, Великобританию и США, которые 11 сентября 2001 года стали мишенью беспрецедентной атаки.

Таким образом, один из двух главных тезисов, представленных в данной книге, как мы видим, подтверждается. К октябрю 2003 года даже такой выдающийся апологет современных военных технологий, как министр обороны США Дональд Рамсфелд, начал прозревать. В меморандуме, адресованном своим ближайшим помощникам, он ставит вопрос о том, готовы ли американские вооруженные силы, созданные для борьбы с себе подобными, противостоять новому «мировому беспорядку». В самом деле, на каждый миллион долларов из казны «Аль-Каиды» США тратят миллиард. Тем не менее Усама бен Ладен, Абу Мусаб аз-Заркави и большинство их главных помощников остаются на свободе. США, со всей своей военной мощью, не способны обеспечить безопасность даже на 15-мильном участке шоссе, ведущем из багдадского аэропорта в город.

В конечном счете, осуществилось ли предсказание или нет, должно волновать только самого автора. Значительно более важно другое: спустя пятнадцать лет после того, как книга «Трансформация войны» увидела свет, все больше признаков указывает на то, что некоторые критики начали всерьез принимать ее второй основополагающий тезис. Этот тезис сводится к следующему.

Поражения, которые терпят многие регулярные силы в попытке вести войны низкой интенсивности (или нетринитарные войны, или войны четвертого поколения, или асимметричные – все эти слова на самом деле обозначают одно и то же явление), не случайны. В целом их нельзя объяснить ни теми или иными сложившимися обстоятельствами, ни ошибками, допущенными отдельными военными, политиками, военачальниками, и тому подобным. Скорее длинный ряд поражений указывает на значительно более тревожный факт. В большей части нашей так называемой «передовой» цивилизации и, зачастую, на самом верху, где принимаются ключевые решения, существовало и существует неправильное понимание самой природы войны. Если это непонимание (а вместе с ним поражения) будет сохраняться, сама жизнеспособность этой цивилизации окажется под вопросом.

В книге прослеживаются истоки этого непонимания, а следовательно и поражений, до самого выдающегося западного теоретика войны всех времен – Карла фон Клаузевица. В ней предприняты попытки найти ответы на самые фундаментальные вопросы: что такое война; кем

и как она ведется; ради чего она ведется и почему. Таким образом, я стараюсь прийти к новому пониманию войны, более согласующемуся с фактами, какими мы видим их через два столетия после Клаузевица.

Многим читателям, военным и невоенным, вопрос об истинной природе войны может показаться академическим. В этом случае им лучше читать «поваренные книги», в которых говорится, что делать, какими инструментами и в каких обстоятельствах. В таких «поваренных книгах» нет недостатка; их так много, что, если бы их погрузили на борт «Титаника», он пошел бы ко дну и без помощи айсберга. Если читатель ищет именно это, данная книга не для него, впрочем, так же как и сам Клаузевиц. Я же ориентируюсь на читателя, который хочет взглянуть немного дальше и глубже и который готов совершить интеллектуальное усилие и прийти к пониманию войны, весьма отличному от бытующего.

Разумеется, война – это прежде всего практическая деятельность. Нельзя стать хорошим водителем, лишь сидя в библиотеке и изучая учебники, так же как нельзя научиться играть на скрипке, только читая партитуры. Точно так же никакие книги или теории, какими бы глубокими они ни были, сами по себе не приведут к победе в конфликте низкой интенсивности, в нетринитарной войне, конфликте четвертого поколения или асимметричного характера. Однако, как говорил Председатель Мао, «даже путь длиною в десять тысяч ли начинается с первого шага».

*Мартин ван Кревельд
Потсдам, Германия,
август 2005 г.*

Введение

Что, почему и как

Настоящая книга имеет своей целью обратиться к наиболее фундаментальным вопросам, которые война ставит перед человеком на протяжении всей истории: кто ведет войны, что такое война, как, из-за чего и почему ее затевают. Эти вопросы отнюдь не новы, и лишь ответы на них, в соответствии с мнениями людей разных эпох и представителей разных наций, были бы равномасштабны изложению истории цивилизаций. Многие читатели, несомненно, отнесутся к некоторым из данных вопросов как к чисто философским, возможно, даже сочтут их не связанными с «практикой» ведения боевых действий. Однако очевидно, что ни один вид человеческой деятельности не может фактически существовать, тем более успешно развиваться, без четкого понимания принципов, лежащих в основе противостояний и ведения войны как такового. Вот почему чрезвычайно важно найти верные ответы на перечисленные вопросы.

Автор также хотел бы донести до читателя мысль о том, что ответы, даваемые на эти вопросы современной теорией военной стратегии, в корне неверны; вдобавок они следуют из картины мира «по Клаузевицу», которая либо устарела, либо не соответствует действительности. Мы находимся скорее на пороге эпохи войн между этническими и религиозными группами, нежели мирного экономического соперничества международных экономических блоков. По мере того как традиционные формы вооруженных конфликтов уходят в прошлое, появляются совершенно новые, которые готовы прийти им на смену. Уже сегодня военная мощь, развернутая основными индустриально развитыми обществами как Запада, так и Востока, едва ли адекватна стоящим перед ними задачам; иными словами, нынешняя оборона – это скорее иллюзия силы, чем реальное средство к решению проблем. Если эти общества не проявят готовности привести стратегическую теорию в соответствие с практикой нынешней стремительно меняющейся действительности, впрямь они, вероятно, будут вообще неспособны прибегать к организованному применению силы, задействуя в этом массы. Как только возникнет такая ситуация, их дальнейшее существование в качестве единых политических образований также будет быстро поставлено под сомнение.

В данной книге ставится задача описать новую систему взглядов на теорию войны, отличную от системы Клаузевица, и в то же время – попытка заглянуть в будущее войн. Отсюда проистекает структура книги. Глава первая «Война сегодня» объясняет, почему современная военная мощь является мифом и почему наши представления о войне на поверку оказались тупиковыми. Во второй главе «Кто затекает войны» рассматриваются взаимосвязи между военными доктринами, самими государствами и их армиями, а также между различными воюющими организациями, не являющимися в собственном смысле ни армиями, ни государствами. Глава третья «Что такое война» рассматривает вооруженный конфликт с точки зрения взаимодействия силы и правоты. В главе четвертой «Как ведутся войны» дается характеристика стратегии и приводятся рекомендации по ее применению в ситуациях разного рода и значимости. В главе пятой «Во имя чего люди воюют» исследуются различные цели, для достижения которых может применяться и применяется коллективное насилие. Глава шестая «Почему люди участвуют в войнах» представляет собой исследование причин войн на глубинном, личностном уровне. В главе седьмой «Войны будущего» рассматриваются возможные формы будущих войн под всеми упомянутыми углами зрения и выдвигаются некоторые идеи того, как они могут вестись. Наконец, краткое заключение, озаглавленное «Контурсы будущего», связывает все эти вопросы в единое концептуальное целое и дает гипотетическую характеристику войнам, которые могут произойти через десять, двадцать пять и даже пятьдесят лет.

Книга написана одним автором, но отражает вклад многих людей. В их числе – Моше Бен-Давид, Мэтс Бергквист, Менахем Блондхайм, Марианна и Стив Кэнби, Сэтт Кэрус, Оз Фрэнкель, Азар Гатт, Стив Глик, Паула и Ирвинг Глик, Эдо Хехт, Ора и Габи Герман, Кай Юниман, Бенджамин Кедар, Грета и Стюарт Кель, Мордехай Леви, Даля и Эдвард Луттвак, Ронни Макс, Лесли и Габриэль Пантуччи, Яффа Рэйзин, Стефани Розенберг, Джойс Зельтцер, Дарси и Дэйвид Томас. Благодарю всех этих людей за теплое отношение к моим опытам, поддержку и дружбу.

Иерусалим, апрель 1990 г.

Глава I

Война сегодня

Военный баланс

Призрак бродит по коридорам генеральных штабов и министерств обороны «высокоразвитых» стран – боязнь собственного военного бессилия и даже бесполезности.

Сегодня, как и всегда, начиная со времен Второй мировой войны, вероятно, 80 % мировой военной мощи находится в руках горстки промышленно развитых государств, а именно – Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и их союзников по НАТО и Варшавскому Договору. Свыше четырех пятых общемировых военных расходов приходится именно на долю этих стран. Они также разрабатывают, производят и принимают на вооружение соответствующую часть современной высокотехнологичной военной техники – от танков до самолетов и от межконтинентальных баллистических ракет (МБР) до подводных лодок. Вооруженные силы этих государств, особенно двух сверхдержав, долгое время служили остальному миру примером и даже стандартом, по критериям которого те или иные страны себя оценивали.

Кроме того, основным военным государствам «принадлежат» 95 % всех военных знаний и опыта, если судить по числу публикаций по этому вопросу. Им даже удалось превратить собственные военные способности и навыки своих кадровых военнослужащих в своеобразный экспортный товар. Офицеры из стран, не относящихся к числу великих военных держав, регулярно отправляются на учебу в штабные и военные учебные заведения в Вашингтоне, Москве, Лондоне и Париже, и чтобы получить такую привилегию, эти страны обычно не скупятся на средства. С другой стороны, главные военные государства сами отправляют тысячи военных «экспертов» в десятки слаборазвитых стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Несмотря на все это, существуют серьезные сомнения насчет способности развитых государств – и тех, которые сейчас «освобождаются» от коммунистического господства, и тех, которые «свободны» от него, – использовать вооруженные силы в качестве инструмента для достижения значимых политических целей, и такое положение дел не внове. Многочисленные эпизоды, имевшие место за последние двадцать лет, вновь и вновь демонстрируют неспособность промышленно развитых держав отстаивать свои интересы и даже защитить жизнь своих граждан перед лицом даже незначительных угроз. В результате политики и ученые стали постоянно держать в своем речевом обиходе такие фразы, как «закат военной мощи», «убывающая полезность войны» и, применительно к Соединенным Штатам, «соломенный гигант».

Пока «девоенизировалось» только западное общество, за этим явлением следили с беспокоейством. Однако неудача Советского Союза в Афганистане продемонстрировала односторонность такого подхода, и сейчас СССР стал почетным членом клуба. По этой причине появились спекуляции и просто мнения о том, что, вероятно, у войны как таковой нет будущего и ей на смену вот-вот придет экономическая конкуренция крупных «торговых блоков», формирующихся в Европе, Северной Америке и на Дальнем Востоке. В данной книге такой взгляд опровергается. Крупномасштабная война с применением обычных вооружений, т. е. война, как она понимается главными современными военными державами, – пожалуй, действительно изживает себя; однако сама война, война как таковая – жива, активна и не сегодня-завтра переступит порог новой эпохи. Задача этой главы – показать, что это действительно так, и объяснить почему.

Ядерная война

Наиболее важное оружие в арсенале главных военных держав – конечно же, ядерное, а также его носители. С тех пор как была сброшена первая бомба на Японию, мощь этого оружия очевидна для всех. С того же момента началась гонка ядерных вооружений, которая длится и по сей день.

Несмотря на то, что первые две атомные бомбы представляли собой сравнительно примитивные устройства, каждая из них на несколько порядков превосходила по мощности что-либо ранее применявшееся в войне. Не прошло и десяти лет с тех пор, как на Хиросиму была сброшена бомба, а уже стало возможным создавать оружие, каждая единица которого превосходила по мощности все устройства, когда-либо использовавшиеся в войне человеком с начала истории. В 1961 г. СССР взорвал чудовищную бомбу, мощность которой по оценкам составляла 58 мегатонн, т. е. 58 *миллионов* тонн тротила; цифра эта явилась результатом ошибки в расчетах ученых, так впоследствии заявили Советы. К тому моменту исследование и разработки еще более мощных устройств фактически прекратились, не потому, что это было невозможно, а из-за того, что, говоря словами Уинстона Черчилля, этим устройствам осталось бы в мире «лишь докрамсывать руины».

Соединенным Штатам первым удалось получить атомную бомбу и четыре года сохранять на нее монополию. В сентябре 1949 г. последняя была нарушена сталинским СССР. Испытания водородных бомб, проведенные сверхдержавами в 1952 и 1953 г., представляли собой важный результат, хотя значение их было несравнимо со значимостью применения первых двух бомб. С тех пор число стран, имеющих в своем распоряжении ядерные арсеналы, продолжало расти. Великобритания, Франция, Китай и Индия присоединились к клубу. Каждая из них (за исключением, насколько нам известно, последней) производила сначала устройство, основанное на делении ядра, а затем – на термоядерном синтезе. Согласно общему мнению, ряд других стран, хотя те в открытую и не испытывали ядерных зарядов, обладают их запасами или же могут при необходимости быстро их собрать. Еще больше стран при желании могли бы легко создать бомбу, но не намерены так поступать; это, пожалуй, первый пример в истории, когда некоторые правительства добровольно решили отказаться от разработки оружия, которое они с технической и экономической точек зрения способны достаточно легко создать.

Нежелание столь многих государств прилагать усилия к тому, чтобы обзавестись ядерным оружием, становится легко понятным, если принять во внимание политические преимущества, которые проистекают от его наличия или отсутствия. Разработка программы ядерного оружия привела к огромному напряжению технических и финансовых ресурсов таких бедных стран, как Китай, Индия и, вероятно, Пакистан. Все три либо уже имеют бомбу, либо близки к ее созданию, однако ни одной не удалось конвертировать обладание бомбой в существенное политическое преимущество. Так, например, Китай не смог вернуть себе потерянную провинцию Формоза и даже не смог «наказать» соседний Вьетнам, государство, несравнимое с ним по военной мощи. Ядерная бомба не помогла Индии ни в решении проблемы тамильского сепаратизма в Шри-Ланке, ни в решении проблемы мусульманского ирредентизма в Кашмире. Наконец, власти Пакистана в неофициальной беседе любят оправдывать свою ядерную программу боязнью быть завоеванными Индией. Они говорят о том, что до настоящего момента ни одна страна, обладающая ядерным оружием, не исчезла с политической карты мира. Это, конечно, верно, но не учитывается тот факт, что число неядерных государств, которые *исчезли* с карты мира после 1945 г., также очень мало.

Политические выгоды, которые дает обладание ядерным оружием таким средним по значимости державам, как Великобритания и Франция, еще незначительнее, если они вообще существуют. Наличие ядерной бомбы не помогло ни одной из этих стран вернуть себе былое

положение и даже сохранить что-либо подобное их прежнему статусу великих держав. (На самом деле одной из причин, по которой движение в поддержку ядерного разоружения в Великобритании потеряло первоначальную силу, было то, что сие по большому счету никого не волновало.) Бомба появилась у них слишком поздно, чтобы предотвратить потерю ими своих колониальных владений; хотя, появившись она у них раньше, вряд ли это оружие помогло бы замедлить, а тем более остановить процесс распада этих империй. Сегодня имеющийся у этих стран ядерный арсенал почти наверняка не поможет им оградить свои заморские территории от оккупации решительным агрессором, даже в том случае, если у самого агрессора нет ядерного оружия. Десятилетиями обе эти страны приводили в обоснование своих расходов на ядерное вооружение необходимость предотвратить нападение Советского Союза, в случае если американцы не смогут выполнить своих гарантий. Такой ход рассуждений выглядел вполне убедительно, но если бы он был реализован на практике, это неминуемо привело бы эти страны к быстрому, неизбежному и окончательному национальному самоубийству.

Сверхдержавы же, безусловно, в значительной степени обязаны своим статусом необычайно мощным ядерным арсеналам. Однако даже в их случае получение на основе этого статуса ощутимых политических выгод оказалось проблематичным. Это стало очевидно уже в 1945 г., когда во время Потсдамской конференции на Сталина не произвело особого впечатления заявление президента Трумэна об имеющейся у него атомной бомбе. В последующие четыре года американская монополия на ядерное оружие не помешала СССР укрепить свою восточноевропейскую империю. Западные наблюдатели того времени отмечали, что министр иностранных дел СССР Молотов ухитрился действовать так, будто у Соединенных Штатов не было бомбы, или же так, как будто у СССР она была. Ядерное оружие не спасло Чехословакию от прихода коммунистов в 1948 г. Не помогло оно и предотвратить приход в Китае к власти Мао Цзэдуна, – события, десятилетиями считавшегося единственным крупным поражением Запада в борьбе с мировым коммунизмом.

Так как к тому времени у Советского Союза уже тоже было ядерное оружие, год за годом вероятность его применения становилась все меньше и меньше. Во время войны в Корее Дуглас Макартур хотел применить бомбу против Китая, но потерял свою должность, когда публично заявил об этом. В 1954–1958 гг. Соединенные Штаты неоднократно угрожали Китаю ядерным оружием, однако дало ли это какие-то результаты, остается неизвестным. Затем пришла очередь Хрущева бряцать межконтинентальными ракетами, которых, как выяснилось позже, у него не было. Пожалуй, последний раз серьезные угрозы применения ядерного оружия звучали во время Карибского кризиса в октябре 1962 г. Даже тогда способ, каким американский президент Кеннеди справился с кризисом, – установив блокаду, предложив Хрущеву разрешить ситуацию путем вывода американской ракетной базы из Турции и т. д., – был специально разработан таким образом, чтобы гарантировать, насколько это в человеческих силах, что ядерное оружие *не* будет применено. По словам советника по национальной безопасности Макджорджа Банди, шансы того, что президент на самом деле прикажет нажать на кнопку, составляли один к ста. и все же даже такой вероятности хватило для того, чтобы внушить миру страх, который не проходит по сей день. Кризис открыл дорогу подписанию ряда соглашений, как международных, так и двусторонних, заключенных между сверхдержавами, целью каждого из которых было ограничение количества оружия, его средств доставки, или того и другого вместе.

Успешно нейтрализовав друг друга, сверхдержавы открыли для себя, что наличие ядерного оружия не такое уж большое преимущество даже в их отношениях со странами, им не обладающими. После 1945 г. и США, и СССР многократно становились очевидцами нестабильности своего влияния, особенно в странах «третьего мира», где Соединенные Штаты сначала «потеряли», а затем «вернули» целый ряд стран от Египта до Индонезии и от Сомали до Ирака. Для СССР на протяжении полутора десятилетий, начиная с 1973 г., процесс шел в обратном направлении: имеется в виду утрата им Чили и временное обретение Эфиопии (если

вообще можно считать приобретением получение в качестве союзника одной из беднейших стран мира). Нет смысла приводить тут многочисленные случаи, когда, как правило, в результате внутреннего переворота слаборазвитое государство переходило от западных союзников к восточным, и наоборот. Судя по всему, на *все* эти перемены никак не влиял вопрос о том, которая из держав, СССР или США, обладала более мощным ядерным арсеналом.

Объяснение того, почему ядерное оружие имело столь несущественное политическое значение, заключалось, конечно же, в том, что никто еще убедительно не объяснил, как можно вести ядерную войну, не взорвав при этом весь мир. И нельзя сказать, что никто не пытался придумать такой способ. В 1950-х гг. были предприняты попытки создать «доктрины ведения ядерной войны». Если бы действительность, скрывавшаяся за ними, не была столь ужасна, сегодня они были бы увлекательным чтением. Это было время, когда школьникам, живущим в больших городах и вблизи военных баз в западных странах, приходилось проходить обучение действиям по сигналу ядерной тревоги, методы которого были позаимствованы, естественно, из опыта Второй мировой войны. По звуку сирены их заставляли строем выходить из класса и спускаться в подвал или же залезать под стол, обхватывать голову руками и закрывать глаза. Тем временем владельцам домов предлагалось устраивать убежища в своих садах. В них должен был находиться запас продовольствия, которого хватило бы на несколько дней или недель, до тех пор, пока не снизится уровень радиации. Рекламировались также комфортабельные убежища: порой на картинках они выглядели как среднестатистическая американская гостиная, перенесенная под землю и снабженная защитой от радиоактивного излучения. Людям, которые во время атаки могли остаться без укрытия, рекомендовали заранее изучить расположение ближайших доступных убежищ. Им также советовали на всякий случай носить светлую одежду, широкополые шляпы и солнцезащитные очки.

Кроме того, предлагаемые меры не ограничивались лишь рекомендациями на период фактической атаки. Солидные стратеги тратили уйму времени на расчеты, доказывая, что если население сверхдержав вовремя эвакуировать и равномерно распределить по соответствующим континентам (один человек на какое-то количество квадратных метров), большинство смогли бы пережить ядерную атаку. Если бы у людей также были неглубокие убежища, они, возможно, даже смогли бы пережить начальный период излучения, хотя при этом не обсуждался вопрос о том, как пережить ядерную зиму, если допустить, что таковая – не просто плод воображения каких-то ученых, а реальная угроза. Было много разговоров о запасах продовольствия, медикаментов, топлива и землеройных машин в расчете на период после ядерной войны. Большинство стран, за исключением Швейцарии и некоторых других, проявили благоразумие и не стали воплощать эти идеи в жизнь, да и сами швейцарцы едва ли воспринимали эти меры всерьез. Тем не менее эти дискуссии дали основание для осторожного оптимизма. В частности, в начале 1960-х бытовало мнение, что при должной подготовке цивилизация не будет отброшена *слишком* далеко назад. Конечно, ядерная атака опустошит сверхдержаву, и значительная доля всего ее населения погибнет. Однако, согласно этой точке зрения, при наличии решимости и основательной подготовки сверхдержава восстановит большую часть своих прежних жизненных сил не позднее чем через десять (двадцать или пятьдесят) лет после окончания войны. Можно было надеяться, что в соответствии с этой концепцией к тому времени единственным признаком имевшей место ядерной атаки будут увеличившееся число случаев заболеваний раком и генетические изменения.

Пока стратеги размышляли, а учителя проводили тренировки, политические и военные лидеры занимались тем, что изобретали способы ведения ядерной войны. Как и следовало ожидать, первым делом они старались обеспечить достаточный минимум безопасности себе самим. Годы тратились миллиарды на создание систем раннего предупреждения, бункеров, защищающих от ударной волны и радиации, воздушных центров управления для высшего командования и коммуникационных сетей, связывающих их друг с другом и с ядерными базами. Есте-

ственно, что ход подготовки был прикрыт завесой секретности. и все же, судя по относительно хорошо известной американской программе, современное оборудование способно предупредить о ядерной угрозе примерно за двадцать минут до того, как первые боеголовки достигнут своей цели. Однако если первая атака будет осуществлена с подводных лодок по так называемой настильной траектории, то время сократится до шести-семи минут.

Теоретически американскому президенту должно хватить пятнадцати минут для того, чтобы вспорхнуть на борт специального самолета, находящегося в состоянии постоянной готовности на базе военно-воздушных сил «Боллинг» недалеко от Вашингтона, за рекой Потомак. Местонахождение остальных сорока шести ключевых должностных лиц также круглосуточно отслеживается, и, по сообщениям, все готово к их эвакуации. Еще около 200 государственных чиновников *имеют право* на то, чтобы быть вывезенными из столицы, но лишь в том случае, если агрессор сообразованно нанесет удар в рабочее время. Несмотря на эти приготовления, факт остается фактом: невозможно гарантировать, что при тщательно спланированном первом ядерном ударе жизнь президента удастся спасти. и даже если он выживет, остается большой вопрос, сможет ли он установить связь с теми силами возмездия, которые благополучно перенесли атаку, особенно с подводными лодками и с ракетами в стартовых шахтах.

Эти проблемы понудили теоретиков предпринять многочисленные попытки найти способ «сделать мир безопасным для ядерной войны»⁴ посредством введения ограничений на применение ядерного оружия. Одно из первых предложений, сделанное доктором Генри Киссинджером, состояло в том, чтобы ядерные державы договорились отказаться от применения бомб мощностью свыше 150, или 500, или еще скольких-нибудь килотонн (этого вполне достаточно для того, чтобы уничтожить любую цель, учитывая, что Хиросима и Нагасаки были стерты с лица земли бомбами мощностью всего 14 и 20 килотонн соответственно). Согласно еще одной блестящей идее, страны должны договориться применять их только для удара по определенным объектам, например по расположениям вооруженных сил, военным базам и сооружениям. Попытка наложить запрет на применение самого мощного оружия и не бить по городам, которые тогда мыслились важнейшей целью, безусловно, похвальна. Однако напрашивается вопрос: зачем воюющим сторонам, способным достичь таких соглашений, вообще развязывать войну, особенно если она чревата гибелью обеих сторон? Обращаясь к прошлому, сегодня можно успокаивать себя тем, что эти плодотворные результаты «мозговых трестов», по-видимому, так и не были восприняты всерьез ни военными, ни стоящими над ними политическими руководителями. Да и сами сверхдержавы не вели никаких официальных переговоров по осуществлению этих планов, что еще более явно свидетельствует об их чисто спекулятивном характере.

Однако как вести войну *с помощью* ядерного оружия – не единственный вопрос, на который искали ответ органы военного планирования. Столь же важно было продумать способы и средства, с помощью которых обычные войска могли бы действовать *в рамках* такой войны и при этом выжить, не говоря уже о том, чтобы сохранить свою боеспособность. Во всяком случае, в Соединенных Штатах создание в 1950-х гг. тактического ядерного оружия положило начало так называемой «пентомической эре». Начиная с середины 1950-х традиционные дивизии, состоящие из трех бригад или полков, были разбиты на пять более мелких и мобильных единиц. Такие подразделения поддерживали связь с помощью входивших как раз в то время в практику транзисторных раций и должны были действовать децентрализованно и рассредоточенно, что не имело исторического прецедента. Им приходилось быстро перемещаться из одного места в другое, разворачиваясь и сворачиваясь, как какая-нибудь огромная гармонь. Для этой цели им понадобилась бы совершенно оригинальная техника, начиная с гигантских

⁴ Игра слов. Автор намекает на формулировку, данную президентом В. Вильсоном цели вступления США в Первую мировую войну: «сделать мир безопасным для демократии». – *Прим. ред.*

вездеходов и заканчивая летающими джипами. Некоторые предсказатели даже изображали танки со съемными башнями, взмывающими в воздух и стреляющими друг в друга.

Ввиду того что двигатель внутреннего сгорания был признан слишком неэффективным и ненадежным для таких целей, возникла необходимость придумать ему замену. В случае блокирования стандартных коммуникационных линий один из планов предусматривал поставку припасов с помощью грузовых управляемых ракет, падающих из стратосферы и врывающихся носами в землю подобно огромным дротикам. Организационные структуры тоже должны были измениться. Особенно мрачной была идея разделить войска по «классам радиации» в соответствии с полученной ими дозой облучения. В зависимости от того, сколько они могли прожить, каждый класс мог быть использован для выполнения соответствующего боевого задания. В статье «Влияние атомного оружия на функции военнослужащих», опубликованной в журнале *Military Review*, предлагалось значительно увеличить похоронную службу Армии США.

В 1970-х гг. вновь были предприняты многочисленные попытки разработать «стратегию ведения ядерной войны», которые оказались еще более нерешительными, чем предшествующие им меры, но из-за доступности технических средств «минимизации» ущерба они стали и более опасными. Во главе команды стоял доктор Джеймс Шлезингер, министр обороны в кабинете президента Ричарда Никсона, человек, заслуженно прославившийся способностью «четко формулировать стратегии». Он вместе с другими менее яркими «светилами» исписал тонны чернил, изобретая новые способы применения, новой техники, принятой к тому времени на вооружение, такой, как крылатые ракеты и MIRV (Multiple Independent Reentry Vehicles), – разделяющиеся головные части с боеголовками индивидуального наведения. Считалось, что основной характеристикой, отличающей крылатые ракеты и MIRV от обычных баллистических ракет, является их очень высокая точность (несмотря на то, что экспериментальные устройства, которые во время испытаний наводились на испытательные же полигоны в южной части Тихого океана, иногда могли обнаружиться в Северной Канаде). Способность произвести точное попадание по защищенным целям столь мелким, как шахтная пусковая установка ракеты, позволяла сократить мощность боеголовки на порядок, при этом совершенно не снижая ее разрушительную силу, вплоть до того, что стала казаться осуществимой идея нанести прямой удар по Кремлю.

В это время акцент в рассуждениях стратегов переместился с ядерного пата на так называемые доктрины «ведения войны». Компактные точные боеголовки теперь могли быть использованы для того, чтобы дать в руки президенту «гибкий набор возможностей». Их можно было использовать для «предупредительных ядерных ударов», когда одна из сторон делает предупреждение другой, подорвав ядерный боеприпас в таком месте, например посреди моря, где он нанесет минимальный ущерб или не нанесет вообще никакого ущерба. Вместо того чтобы развязывать полномасштабную войну, Соединенные Штаты могут уничтожить какую-нибудь военную базу или, возможно, даже небольшой городок, действуя осмотрительно и постоянно наблюдая за реакцией другой стороны. Целью, к которой следовало стремиться, было «доминирование путем эскалации», другими словами, заставить противника подчиниться, нагнав на него страху. Некоторые доморощенные стратеги пошли еще дальше, утверждая, что Соединенные Штаты могут «обезглавить» Советский Союз, нанеся удар по определенным центрам управления и связи правительства, партии или КГБ. При этом использовались формулировки, непонятные простому смертному, и кто-то удачно сравнил их с богословскими схоластическими дискуссиями Средневековья. Однако все эти термины были просто эвфемизмами, означавшими такое применение ядерного оружия, чтобы в результате не настал конец света, или, по крайней мере, он не был бы гарантированным.

Шлезингер полагал, что проблема состоит в том, как использовать уже доступные ядерные боеголовки высокой точности для нанесения «хирургического удара» по СССР. Его преемники в правление администрации Картера были обеспокоены ровно противоположным вопро-

сом: что будет, если СССР применит *свои* ракеты MIRV (наводящие ужас SS-18 «Сатана»⁵), чтобы уничтожить американские ракеты наземного базирования и тем самым оставить Соединенные Штаты полностью беззащитными, вынудив их рассчитывать лишь на свои пилотируемые бомбардировщики и ракетные подводные лодки. В течение нескольких лет выдвигалось множество различных идей, как не позволить СССР пробраться («влезть») в так называемое «окно уязвимости». Одна из них состояла в том, чтобы разместить американские ракеты на дне моря или на передвижных платформах, способных ползать по дну озер. По другой предлагалось поместить их на гигантские вагоны и перемещать между различными стартовыми позициями по подземному туннелю, охватывающему территорию, вдвое большую американского Среднего Запада. Третья «школа мысли» предложила вырыть ямы глубиной в тысячи футов, герметически закрыть их и создать специальное оборудование, благодаря которому ракета будет выходить на поверхность после атаки противника.

К счастью для государственного бюджета, ни одна из этих идей так и не была воплощена на практике. «По самым лучшим из имеющихся оценок» (представлявшими собой всего лишь догадки, основанные на предположениях, каждое из которых может быть оспорено), даже «чистый» удар СССР по американским районам базирования МБР унес бы жизни двадцати миллионов человек. Это произошло бы и в том случае, если каждая из его двух-трех с лишним тысяч боеголовок достигла бы своей цели и не упала, скажем, в таком крупном населенном пункте, как Чикаго или Лос-Анджелес. При столь огромном «сопутствующем» ущербе вопрос о возможном возмездии со стороны США – особенно ограниченном возмездии – принял бы чисто академический характер. Когда на смену семидесятым годам пришли восьмидесятые, эта волна доктрин ведения войны с применением ядерного оружия была уже неактуальна, как в свое время предшествовавшая ей. Причина подобного исхода была та же: идеи эти захлебнулись в собственной же абсурдности. Однако некоторые возразят, что вышеупомянутые доктрины вовсе и не умерли. При Рейгане они взмыли в звездное небо и волшебным образом превратились в доктрину стратегической оборонной инициативы (СОИ). Так и есть, однако эта концепция оказалась еще абсурднее прежних.

За последние сорок пять лет сложно найти хотя бы один исторический пример того, что государству, располагающему запасами ядерного оружия, удалось изменить статус-кво с помощью угрозы применения этого вида оружия, не говоря уже о его фактическом применении. Иными словами, его основной политический результат если в чем-то и состоял, так это в вынужденной осмотрительности политиков и в замораживании существующих государственных границ. Безусловно, главнейшая причина такого положения дел состояла в том, что никто еще не смог додуматься, как можно вести ядерную войну и при этом избежать глобального суицида. Очевиднейшая истина состоит в том, что ядерное оружие является орудием массового убийства. Притом, что защиты от него нет, единственное, для чего оно годится, – это для бойни, беспрецедентной по своей кровожадности и, вполне вероятно, последней в истории человечества. Но оно не может быть использовано для ведения войны в собственном смысле этого слова. Пропась, разделяющая апокалиптические последствия ядерного оружия и незначительные попытки «использовать» его для «разумных» целей, ужасающе, почти непостижимо огромная. Она настолько велика, что, пожалуй, самой естественной реакцией на вопрос о соотношении этих явлений был безудержный истерический смех одной юной студентки, когда мы стали обсуждать на семинаре эти предметы.

⁵ Отечественное название РС-20 или Р-36. – Прим. ред.

Война без применения ядерного оружия

Изначально ядерное оружие создавалось для того, чтобы обеспечить военных и их политических руководителей беспрецедентным по своей мощи средством, позволяющим успешно вести и выигрывать войны. Однако не прошло и десяти лет, как оно стало угрожать положить конец войнам вообще. Некоторые аналитики на самом деле гораздо раньше предвидели такое развитие событий. К тому же проблема не сводилась лишь к ядерному оружию. К середине 1950-х обе сверхдержавы уже собрали атомные бомбы в количестве порядка нескольких сотен и приступили к энергичному производству термоядерных устройств. В таких обстоятельствах агрессия против любой из них с применением традиционных видов оружия становилась все менее вероятной. Теперь, когда каждая сверхдержава контролировала значительную часть своего полушария, неядерное нападение на любую из них могло закончиться победой над ними лишь в случае очень большого масштаба такого нападения. На такой мощный удар, особенно если существовала вероятность того, что он будет успешным, безусловно, можно было бы ответить лишь ядерным оружием. В 1950-х гг. госсекретарь США Джон Фостер Даллес активно поддерживал идею о том, что, для того чтобы вызвать такой ответ, достаточно и небольшой атаки. Эта доктрина, вошедшая в историю под названием «балансирование на грани войны» и «массированное возмездие», была создана специально для того, чтобы, насколько это возможно, предупредить малейшие попытки развязать войну.

Такая фактически полная защищенность сверхдержав от нападений, будь то обычная война или ядерный удар, заставила тех, в чьи обязанности входило разрабатывать военную стратегию, перенести свое внимание на союзников каждой из них. Однако вскоре стало ясно, что, как сказал британский маршал авиации лорд Теддер, «собака, которая способна расправиться с кошкой, сможет разделаться и с котятками». Ни на Западе, ни на Востоке не было никого, кто бы смог предложить способ напасть на союзников сверхдержавы, не рискуя вызвать Армагеддон. В течение полутора десятилетий – начиная с советской блокады Берлина в 1948 г. и до Берлинского кризиса 1961 г. – сверхдержавы совершали тактические маневры, как две собаки, проверяющие друг друга на решительность. Несмотря на некоторые напряженные моменты, проверка в конечном итоге не сработала, и обе стороны в конце концов признали свое поражение. Эта ситуация в буквальном смысле отлита в бетон Берлинской стены, воздвигнутой одной из сторон, и молчаливо принятой другой.

Фактическое разделение Европы на две зоны влияния, если не господства, привело к закрытию наиболее важного театра, на котором все еще могли бы вестись обычные войны, – недавнее падение Берлинской стены только подтвердило этот факт. Похожая ситуация сложилась на другом конце земного шара по окончании Корейской войны в 1953 г., и в этот раз она вскоре была закреплена долгосрочными бетонными укреплениями. По сути, в результате осталось лишь два места на земле, где было возможно ведение крупномасштабных войн без применения ядерного оружия, – индийско-пакистанская граница и Ближний Восток. Страны этих регионов также находились под каблуком у сверхдержав хотя бы по той простой причине, что они не могли себя полностью обеспечить необходимым им оружием. Однако отчасти в силу расового, отчасти в силу географического фактора они не считались близкими союзниками. Индия, Пакистан, Израиль, Египет, Сирия и прочие страны могли вести для сверхдержав войны «по доверенности». Кроме того, их территории служили полигоном для испытания новых видов оружия и проверки на практике новых доктрин.

Таким образом, непредвиденным и, возможно, непредсказуемым результатом возникновения ядерного оружия стало то, что войны с применением обычных видов оружия были задвинуты в дальний угол международной системы, или, образно выражаясь, втиснуты в разломы между основными тектоническими плитами, в которых доминировали сверхдержавы.

Разломы, как правило, пролегали в тех местах, которые прежнее поколение называло «периферией». Периферия представляет собой широкий пояс земли, простирающийся с запада на восток и разделяющий Азию на северный и южный регионы. Что-то похожее на обычную войну периодически вспыхивало в других регионах, таких, например, как Африканский Рог, однако из-за недостаточно развитой инфраструктуры и как следствие отсутствия возможности использовать основные системы вооружения масштаб этих конфликтов был мал, по сравнению с теми, что происходят на периферийном поясе. Какими бы масштабными они ни были, всегда существовала угроза того, что в результате «хвост», образуемый какими-нибудь третьеразрядными или даже еще более захудалыми странами, начнет вилять «сверхдержавной собакой». Это хорошо почувствовал на себе президент Никсон во время Октябрьской войны 1973 г., приведя американские вооруженные силы в боевую готовность к ядерной войне для того, чтобы предотвратить вторжение СССР в Израиль. Опасность, если вообще таковая существовала, была успешно отвращена. Как бы то ни было, в итоге и Вашингтон, и Москва, по всей видимости, не желали больше повторять свой эксперимент.

Пока небольшие государства, такие, как Израиль и его соседи, воевали друг с другом, сверхдержавы держались в стороне. В основном они выступали наблюдателями, но при этом не отказывались поучаствовать в процессе прекращения конфликта, если вдруг их благополучие оказывалось хоть в малейшей опасности. В военных кругах этих стран, вероятно, завидовали воюющим сторонам (особенно Израилю), которые, благодаря своей небольшой величине, все же могли играть в военные игры. Военный истеблишмент жертвовал огромными интеллектуальными ресурсами и миллионами долларов, чтобы найти способ ведения сверхдержавами крупномасштабной обычной войны в мире ядерного оружия. В конце 1950-х гг. армия США провела ряд полевых учений, включавших испытания ядерного оружия, в результате чего спустя десятилетия американское правительство было привлечено к суду за то, что намеренно подвергало своих военнослужащих и гражданских лиц радиоактивному облучению. По наиболее полной имеющейся информации, в 1954 г. Советский Союз провел испытание, в результате которого в последующие годы несколько тысяч военнослужащих преждевременно умерли от радиации, после чего его «ядерные» учения, по-видимому, уже ограничивались осторожным маневрированием вокруг большого количества подожженного обычного горючего. Ни один из этих экспериментов не стал убедительным доказательством того, что обычные войска смогут выжить на поле сражения с применением ядерного оружия, не говоря уже об их участии в боевых действиях. И, честно говоря, сложно представить, каким должен быть этот эксперимент.

В ретроспективе дилемма, которую предстояло решить при военном планировании, была проста. Чтобы обычные войска (например, «пентомическая» армия) имели хоть малейший шанс на выживание в ядерной войне, им надо рассредоточиваться и прятаться в укрытиях. Если же они рассредоточились и укрылись, избавившись по ходу дела от большей части тяжелого вооружения, они уже не смогли бы вести обычную войну. Таким образом, в результате появления ядерного оружия (особенно тактического) было поставлено под угрозу дальнейшее существование обычных вооруженных сил, в особенности сухопутных войск. и все же, если войне и суждено начаться, единственными войсками, которые могли бы ее вести, не угрожая при этом взорвать весь земной шар, были бы обычные вооруженные силы. Администрации президента Кеннеди во главе с министром обороны Робертом Макнамара и председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом Максвеллом Тейлором пришлось взвалить на себя эту задачу квадратуры круга. Решение, которое они нашли, если такое слово уместно, заключалось в том, чтобы сделать ставку на обычную войну, и наплевать на ядерное оружие. Этот подход был представлен новой стратегической доктриной, получившей название «стратегия гибкого реагирования» и официально принятой НАТО в 1967 г. С этого момента приготовления к обычной войне в Европе и на других континентах должны были проходить так, как *будто* угрозы ядерной эскалации не существует.

Цель гибкого реагирования – а именно гарантия продолжения существования обычных вооруженных сил – была достигнута. Новая доктрина требовала огромных капиталовложений, по мере того как на смену одним поколениям надводных кораблей, подводных лодок, танков, бронетранспортеров, артиллерийских орудий, истребителей-бомбардировщиков и вертолетов огневой поддержки должны были приходиться новые и более дорогие виды боевой техники. Каждая такая замена порождала поток как секретных, так и открытых исследований, пытающихся понять последствия появления нового оружия и разработать эзотерические концепции его практического применения. Год за годом войска НАТО, размещенные в Западной Германии, проводили учения, тщательно стараясь не нанести своей громоздкой техникой ущерб имуществу гражданского населения, за который впоследствии пришлось бы расплачиваться. Трудность, однако, заключалась в том, что при предполагаемом превосходстве Советского Союза в обычных вооруженных силах и отказе Западной Германии от укрепления собственных границ, по мнению большинства аналитиков, решительное наступление СССР могло быть остановлено только при помощи «тактического» ядерного оружия. В 1955 г. ряд военных игр, инициированных Верховным главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Европе (SACEUR), продемонстрировал, что применение этого оружия приведет к таким огромным разрушениям в ФРГ, что уже нечего будет защищать. Однако НАТО – и прежде всего американцы, которые готовились, в конце концов, воевать на чужой территории, – неуклонно продвигалась вперед. Все это и послужило причиной того, что за последние четверть века все усилия Запада по защите себя от СССР вылились в гигантский сеанс самоуспокоения.

Сложно сказать, может быть в какие-то моменты американские и русские разработчики военных планов действительно верили в иллюзию длительной и крупномасштабной обычной войны в Европе. Существовавшая в Советском Союзе до Горбачева традиция секретности и обмана (*маскировки*) всегда имела следствием то, что официальная доктрина была неправдоподобной именно потому, что провозглашалась официально. Американцы не склонны к секретности, но они относятся к созданию военных доктрин как к профессиональной деятельности и как к развлечению. В результате столько людей предлагали такое огромное количество несовместимых друг с другом доктрин, отражающих настолько разные интересы, что порой сложно вообще воспринимать их всерьез. Ключом к пониманию позиции СССР может служить тот факт, что, несмотря на всю его временами агрессивную риторику, после 1945 г. он не вел *ни одной* обычной войны. В свою очередь, Соединенные Штаты только дважды вели такую войну – в Корее в 1950–1953 гг. и в Ираке в 1991 г., и уже пошли разговоры о том, что это «последний крик Американского Орла».

Одним из факторов, влияющих на ведение обычных войн сверхдержавами и все чаще остальными странами, является сдерживающее действие, оказываемое ядерным оружием, даже если никто не угрожает его применением. Из-за этого Соединенные Штаты, например, пользовались своими обычными вооруженными силами только в тех случаях, когда их жизненно важные интересы *не* затрагивались. Замечательным примером может служить война в Корее, представляющей собой небольшой азиатский полуостров, расположенный за тысячи километров от США. Даже в то время американский Комитет начальников штабов признавал это, подчеркивая тот факт, что действительно важными сферами в данном регионе являются Япония и Филиппины. То же самое относится к боевым действиям в Ливане (1958), Вьетнаме (1964–1972), Доминиканской Республике (1965), Камбодже (1972–1975), Ливане (1983), а также к кризису в Персидском заливе (1991). Во всех этих случаях, за исключением, наверное, последнего, ставки были настолько низки, что сложно было объяснить американскому народу, за что в очередной раз должны были погибать его солдаты. В 1975 г. в инциденте с судном «Маягуэс» и в 1983 г. на Гренаде силы противника, против которого были развернуты американские войска, были настолько ничтожны, что военные действия походили на инсценировку.

К тому же Соединенные Штаты были не единственной страной, столкнувшейся с этой проблемой. СССР развертывал свои военно-морские силы в Анголе в 1976 г. для прикрытия высадки кубинских войск, помогал Эфиопии одержать победу над Сомали в 1978 г., и посылал некоторое количество советников в Центральную Америку в 1980-х гг. Все это, однако, были несущественные конфликты, далекие от центра советской мощи. Несмотря на то что Мао Цзэдун однажды назвал ядерное оружие «бумажным тигром», неистовое стремление Китая получить бомбу свидетельствует о неискренности китайского вождя. Как бы то ни было, после того как Китаю удалось создать ядерный арсенал и ракетные силы для ответного удара, конфликты на советско-китайской границе, которые когда-то грозили перерасти в большую войну, прекратились. С тех пор единственным и крупнейшим военным предприятием китайцев было их вторжение на вьетнамскую территорию на глубину 15 миль в 1979 г. Взявшись «преподнести урок» Вьетнаму, китайцы в конечном итоге получили урок сами. В течение последних десяти лет поутихла революционная риторика, характерная для этой страны, точно так же, как прекратилось и ее участие в реальных военных действиях. Китай посылал оружие и иногда советников в такие страны, как Иран и Саудовская Аравия, а также помогал партизанским группировкам Камбоджи и Афганистана – вот, пожалуй, и все.

Что же касается бывших колониальных империй, то Франция после своего поражения в Алжире была довольно активна в Африке. Однако французы не имели случая применить силы, превышающие один полк, и французская общественность вряд ли допустила бы задействование мощи большего масштаба, если бы такие попытки были. После неудачи в Суэцком канале в 1956 г. карьера Великобритании как державы, участвующей в традиционных военных действиях, по-видимому, закатилась, о чем свидетельствует переход страны от призывной к профессиональной армии и как следствие сокращение потенциала ее вооруженных сил. Когда в 1982 г., к великому удивлению собственного правительства, Великобритания все же вступила в войну за Фолклендские острова, это стало возможным лишь потому, что немногие знали о том, где именно эти острова находятся. Суровый климат островов подходит только для выращивания овец. Это малонаселенные острова, лишенные каких-либо природных ресурсов, если не считать морских водорослей, отделенные от ближайшего материка сотнями миль соленой морской воды. В условиях энергетического кризиса видимая решимость Великобритании заставила наблюдателей предположить наличие подводных месторождений нефти вблизи островов. Несмотря на то (или, возможно, как раз по причине того), что эти запасы так и не были доказательно представлены, острова стали идеальной ареной для ведения маленькой победоносной войны, в которой даже сами участники военных действий не могли особенно ни выиграть, ни потерять. Теперь, когда война в Ираке закончилась, обе страны намереваются двигаться вперед и дальше сокращать свои вооруженные силы.

По-видимому, ядерная угроза повлияла даже на страны, находящиеся по соседству с Израилем, в которых распространены ненависть и фанатизм, доведенные до полного презрения к смерти. Если верить опубликованным международным источникам, в конце 1950-х гг. Израиль при помощи Франции начал разрабатывать ядерную бомбу. Те же источники сообщают, что в 1967 г. решение президента Египта Насера о блокировании Тиранского залива было отчаянной попыткой не допустить начала производства Израилем ядерного оружия, подобной тому давлению, которое президент США Кеннеди оказал на Советский Союз во время Карибского кризиса. Вероятно, первое атомное устройство было готово в 1969 г., причем *вероятность* того, что Израиль создал бомбу, не ускользнула от арабов. Видимо, это одна из причин ограниченного масштаба войны в октябре 1973 г. Хотя у арабов и были ракеты, удары по территории Израиля практически не наносились, а несколько сирийских ракет, залетавших случайно в кибуцы на севере Израиля, скорее всего, предназначались соседним военным аэродромам. Ни Египет, ни Сирия не пытались продвинуться слишком далеко за линии прекращения огня на Синайском полуострове и Голанских высотах. Однако, по слухам, подхваченным журналом

Time, на четвертый день войны правительство Израиля было на волоске от того, чтобы применить ядерную бомбу.

Имело ли все это под собой почву или нет – подобная информация призвана была привлечь внимание арабов, равно как и последующие сведения о ядерном потенциале Израиля, просочившиеся из правительственных кругов в Иерусалиме или же обнародованные против воли правительства и распространенные в международных средствах массовой информации. Несмотря на то, что никто не может с уверенностью сказать, какова была роль ядерного фактора по сравнению с иными соображениями, очевиден тот факт, что после 1973 г. на Ближнем Востоке не было больше крупномасштабных войн между государствами с использованием обычных вооружений. Конечно, было еще вторжение Израиля в Ливан в 1982 г. Советники премьер-министра Израиля Менахема Бегина, чьи военные познания в лучшем случае можно было назвать любительскими, обещали ему, что операция «Мир Галилее» будет иметь незначительный масштаб. Войска не должны были заходить дальше чем за 25 миль на ливанскую территорию, имели приказ избегать столкновений с сирийцами; операция должна была продлиться около трех дней, а потери – не превысить нескольких десятков человек. Зная премьер-министр в ту пору, что это обернется войной, он никогда не отдал бы такого приказа. Осознав, что операция *переросла в войну*, Менахем Бегин, пережив нервный срыв, ушел в отставку.

Последним по времени свидетельством того, сколь ограниченная роль уготована войнам с применением обычного вида оружия в ядерный век, является кризис в Персидском заливе. Этот регион долгое время считался одним из важнейших в мире. За полтора десятилетия до вторжения в Ирак высказывались опасения по поводу того, что будет, если здесь неожиданно разгорится вооруженный конфликт: это послужило сюжетом по меньшей мере для одного бестселлера («Крах-79» Пола Эрдмана). Как стало ясно впоследствии, все эти опасения были сильно преувеличены. У Соединенных Штатов, стоявших во главе коалиции из тридцати государств, ушло сорок дней на то, чтобы с очень небольшими потерями с их стороны одержать верх над противником, у которого численность населения меньше была в пятнадцать раз, а ВВП – примерно в семьдесят раз. По мере развития кризиса цены на нефть продолжили свое снижение, начавшееся в 1981 г., став доказательством того, что даже утрата нефтяных запасов Ирака и Кувейта больше не была критически важным фактором для мировой экономики.

Оглядываясь назад, хочется задать вопрос: как бы развивались события, будь у Ирака надежное ядерное средство устрашения? В этом случае, очевидно, многое зависело бы от толкования слова «надежное»; однако в то же время не будет большой ошибкой предположить, что едва ли президент Соединенных Штатов Джордж Буш отдал бы приказ о начале войны, если бы Ираку удалось создать сотню неуязвимых ракет с ядерной боевой частью, способных нанести удар по целям на территории США. Вероятно, достаточно было бы и менее мощного оружия. Двадцати ракет, способных достичь Лондона, а значит – Рима и Парижа, безусловно, хватило бы для того, чтобы не позволить бомбардировщикам В-52 взлетать с британских авиабаз для ударов по Ираку. и наконец, если бы Ирак мог снабдить десять из сотен имеющихся у него ракет «Скад» ядерными боеголовками, несомненно, правители Саудовской Аравии не спешили бы с предоставлением своей территории войскам для вторжения в Ирак, в противном случае, несмотря на неожиданно эффективное действие противоракетной системы «Пэтриот», Эр-Рияд мог бы прекратить свое существование.

В настоящее время пока еще слишком рано радоваться или горевать в зависимости от принятой точки зрения по поводу упадка обычных войн, которые ведутся между регулярными вооруженными силами, контролируруемыми государством. Однако некоторые факты при анализе бросаются в глаза. После 1945 г. сверхдержавы не вели традиционных войн между собой. Практически во всех случаях малейшая угроза развязывания такой войны против любой из них была бы сущей нелепицей. Союзники сверхдержав, не обладающие собственным ядерным

арсеналом, тоже, по сути были защищены от обычных войн, за исключением тех случаев, когда такую войну начинала сама сверхдержава, претендующая на «покровительство» (пример тому – действия советских войск в Восточной Германии, Венгрии и Чехословакии). Последним случаем в истории, когда сверхдержава вела полномасштабную войну без применения ядерного оружия против страны, не обладающей ядерным арсеналом, была война в Корее сорокалетней давности. Примеры участия государств с ядерным арсеналом, за исключением сверхдержав, в обычных войнах тоже можно пересчитать по пальцам. Несмотря на то что Великобритания обзавелась ядерным оружием в 1952 г., за четыре года до Суэцкого кризиса, воспользоваться им она никак не могла. Пожалуй, можно привести еще только два примера участия ядерных держав в войнах традиционного типа – это арабо-израильская война 1973 г. и война на Фолклендских островах 1982 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.